

Это был первый раз, когда Цзян Чэн настолько сильно довёл Гу Шэна, что у того началась лихорадка, продолжавшаяся целых семь дней. В тот момент Цзян Чэн чуть не умер от страха. Своих прежних любовников он всегда бросал сразу после того, как с ними переспал, а все последствия кто-то другой улаживал за него, так что ему и не приходилось беспокоиться. Когда у Гу Шэна впервые поднялась температура, Цзян Чэн даже не сразу осознал это, решив, что тот просто снова сопротивляется его ласкам, и чуть не разозлился настолько, чтобы повторить всё снова.

Ду Хань, осмотрев пациента, вызвал его на разговор и жёстко объяснил основы медицинских знаний. Цзян Чэн, почесывая голову, спросил:

— Лихорадка? Разве это не проходит после того, как поспишь и пропотеешь?

Последний раз он болел, вероятно, ещё в утробе матери. Ду Хань не стал тратить время на объяснения, а строго предупредил его:

— У Гу Шэна слабое здоровье. Если хочешь, чтобы он прожил подольше, делай так и так, и не пытайся решать всё силой или руганью.

После этого Цзян Чэн стал всё чаще сам заниматься уборкой, приносить воду, менять постельное бельё и одежду, и даже начал получать удовольствие от этого процесса, который казался ему чем-то вроде проявления нежности.

В те моменты Гу Шэн был в полубессознательном состоянии и не сопротивлялся слишком активно. Даже если он иногда пытался вырваться, Цзян Чэн воспринимал это как игру.

Вчерашний инцидент в ресторане не вызвал никаких последствий. Семья Шэнь позвонила в две крупнейшие газеты Цзиньчжоу, а простые люди, боясь навлечь на себя гнев влиятельных персон, хотя и продолжали обсуждать это в кулуарах, всё же решили не раздувать скандал.

Как бы ни вели себя верхи, народное мнение всё же нужно было удерживать в стабильности.

Гу Шэн с шумом закрыл утреннюю газету, которую Сяо Ли положил на обеденный стол. На первой странице была напечатана чёрно-белая фотография Шэнь Вэньчана, встречающегося с японским генералом. Он молча посмотрел на неё некоторое время, чуть сдвинул губы и, повернувшись, спустился вниз.

Сяо Ли, увидев его у двери, крикнул:

— Господин Гу! Куда вы?

— В труппу Хунсинь, — вежливо отказался Гу Шэн. — ...Не нужно провожать.

Он добрался до Лиюаня ближе к полудню. Солнце стояло высоко, рикши, обливаясь потом, бегали по улицам, а уличные торговцы, теснясь, прятались в тени навесов, ругаясь про себя на тех, кто их отгонял.

Труппа находилась в оживлённом переулке, и издали было слышно, как новичков ругают наставники. Два помощника в простой одежде таскали ящики туда-сюда. Гу Шэн, увидев ящики, удивился и окликнул одного из них:

— Труппа Хунсинь переезжает? Как так...

Помощник не успел ответить, как перед Гу Шэном с грохотом упал ящик!

Ящик открылся, и внутри оказалось несколько старых театральных костюмов, явно пролежавших много лет. Увидев их, Гу Шэн мгновенно побледнел и, сделав несколько шагов, вошёл во двор.

Это были костюмы, которые ему подарил его старший брат, когда он только пришёл в труппу!

Из дома донёлся звонкий голос, и Лю Мянью, стоя внутри, командовала помощниками и носильщиками:

— Соберите всё это и продайте! Остальное раздайте младшим братьям. Эй, эй, это не трогайте! Я ещё не...

Из широко распахнутой двери вышел молодой человек лет двадцати. Среднего роста, худощавый, в тёмно-синем халате и чёрной куртке, с аккуратно уложенными волосами и высокомерным взглядом. Его миндалевидные глаза смотрели сверху вниз, а тонкие губы слегка приоткрылись, демонстрируя изысканную внешность.

Увидев Гу Шэна, Лю Мянью чуть не упала, но не удержалась от язвительного замечания:

— Ты как сюда попал? Разве ты не взобрался на высокую ветку — ой, или, может, ты уже старый и поизносился, и молодой командир поиграл с тобой пару раз и надоело?

Гу Шэн не обратил на неё внимания, его взгляд упал на то, что она держала в руках, и он, подняв глаза, строго сказал:

— Отдай.

В руках у молодой актрисы в тусклом свете сверкало что-то невероятно красивое. Зелёные украшения сияли, а гладкие и изящные перья казались готовыми вырваться из её рук.

Это был верхний цветок головного убора дяньцуй, сделанный из перьев зимородка и украшенный вручную мастерами, — редчайший аксессуар, стоящий целое состояние.

Лю Мянью вздрогнула, выпрямилась и дрожащим голосом сказала:

— Что? Почему! Молодой командир одним письмом вытащил тебя из труппы Хунсинь. Ты в фаворе, ты на вершине славы, у тебя есть всё, что нужно, зачем тебе эти старые штуки для выживания? Лучше раздать их братьям, чтобы они пригодились!

Мерцающий огонь, пронзая слои времени, внезапно вспыхнул перед глазами. Воздух наполнился неясными криками женщин, вокруг было жарко, как от углей, а ладони стали ледяными.

Гу Шэн слегка закрыл глаза, словно изо всех сил сдерживая эмоции, опустил ресницы и ничего не сказал. Обойдя Лю Мянью, он вошёл в дом и сказал замершим слугам:

— Ладно, оставьте всё. ...Я вернулся.

Лю Мянью, не добившись своего, с досадой посмотрела на него, так и хотелось швырнуть украшение ему вслед.

Это была вещь, которую Гу Шэн принёс с собой, когда только пришёл в труппу. В то время он

был всего лишь бедным сиротой, и вряд ли мог быть связан с тем влиятельным милитаристом. Лю Мянью могла только предположить, что это, скорее всего, подарок от кого-то из его прошлого, кто, вероятно, имел какое-то отношение к театральному миру.

Она смутно чувствовала, что этот цветок имеет для Гу Шэна особое значение, и он бережно хранил его. С тех пор как он пришёл в труппу, он сменил несколько дорогих костюмов и украшений, но только это он хранил в отдельной шкатулке, иногда беря его в руки за кулисами.

Его взгляд был мягким, но тусклым.

На самом деле она не могла точно сказать, каким был взгляд Гу Шэна, когда он смотрел на этот цветок. Это не было похоже на взгляд на игрушку, но и не было полностью нежным. Скорее, в нём была какая-то непонятная для неё глубокая печаль.

Головной убор дяньцуй, конечно, невероятно ценен и редок, но один этот цветок не имел большой практической пользы. Лю Мянью намеренно забрала его, и это было скорее символическим вызовом, чем реальной ценностью.

Лю Мянью, стоя за его спиной, зло сказала:

— Я не знала, что ты вернёшься, но теперь предупреждаю! Сегодня вечером в доме командующего Шэня будет празднование дня рождения его дочери, и несколько месяцев назад ты был назначен на главную роль в постановке «Склон Уцзя». Потом меня заменили, но теперь, раз ты вернулся, ты должен подчиниться распределению и не можешь отсутствовать!..

— Я понял, — кивнул Гу Шэн, прислонившись к двери, он выглядел усталым. — Я не предупредил заранее, так что пусть играет тот, кто есть.

— Ты... — Лю Мянью запнулась. Гу Шэн был известным актёром, а известные актёры обычно не соглашались играть второстепенные роли, чтобы не уронить свой статус. Она заранее подготовилась, чтобы упрекнуть его и потребовать, чтобы он играл второстепенную роль для нее, рассчитывая, что он, скорее всего, откажется. Тогда она могла бы распространить слухи, что он, взобравшись на вершину, презирает своих коллег. Однако Гу Шэн, казалось, ясно осознавал своё положение, и его покорный вид фактически закрыл все её аргументы.

— Ладно! Хм... Собирайся! — Лю Мянью махнула рукой, и цветок дяньцуй упал на стол. — Бери! Босс Сун пообещал подарить мне полный набор украшений с кристаллами, которые только что привезли из Цзяннаня!

Гу Шэн кивнул, провожая её, и, повернувшись, остановился у стола. Его тонкие пальцы невольно провели по гладким перьям цветка, и он, глядя на удаляющуюся спину Лю Мянью, слегка прищурил глаза.

О том, что Лю Мянью пыталась унижить Гу Шэна, знал даже Цзян Чэн, и он сам был частично виноват в этом.

Гу Шэн был талантлив, его фигура, внешность и голос были выдающимися, и он искренне любил своё дело. Во всём Цзинбэе вряд ли можно было найти кого-то более искусного, чем он. Лю Мянью не уступала ему в мастерстве, но слава и популярность Лю Мянью были намного выше, чем у Гу Шэна.

В этом был свой секрет, и главным из них было количество поклонников среди богатых и

знатных семей.

Гу Шэн был скромным и не любил выделяться, и с самого начала среди любителей оперы в Цзиньчжоу ходили слухи о его неприступности. Это не означало, что он был высокомерным или трудным в общении — напротив, Гу Шэн был спокойным и скромным, даже обладал некоторой степенностью, так что даже самые шумные посетители театра готовы были замолчать, чтобы послушать его. Потом они рассказывали всем, что господин Гу — хороший человек, очень хороший, хотя и не могли объяснить, в чём именно.

Более образованные зрители, услышав о нём или увидев его, могли бы объяснить это, так что какое-то время среди преданных поклонников Гу Шэна ходила фраза: «Жаль, что у господина Гу такой характер. Если бы он научился хотя бы половине того, что умеют другие, он бы давно затмил Лю Мянью.»

Но даже самые преданные поклонники Гу Шэна не смогли бы сказать, что он «дружелюбный и лёгкий в общении».

[Пусто]

<http://bllate.org/book/16144/1445623>